

МИФЫ И СОВРЕМЕННЫЕ МИФОЛОГИИ

И.А. Жерносенко

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ МИФОЛОГЕМЫ ГРИФОНА В ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В работе рассматривается один из спорных, семантически неоднозначных образов древней культуры Алтая — образ грифона, идейно и магически пронизывающий, практически, всю систему артефактов скифского мира. В ходе исследования автор приходит к выводу, что мифологема грифона не просто является атрибутом одной из областей мифологической Вселенной (верхний или нижний миры, как это определяют разные исследователи), но играет роль культурной константы, маркирующей пограничные состояния и моменты «перехода» как в социальном, так и в сакральном смыслах.

Ключевые слова: культурология, мифология, космогония, семантика, солярный, хтонический, культ, символ, грифон, скифы.

Археология и этнография создают материальный базис (как можно было бы выразиться еще недавно) изучения древних культур. Но все более востребованными становятся различные формы исследования, позволяющие восстановить их духовные пласты, реконструировать картину мира, бытовавшую в сознании людей того времени, их ценности и запреты. Человек во все времена, осваивая природный мир, вступая с ним во взаимодействия, перерабатывал информацию о среде и о самом себе, отражая ее в предметном мире. И этот «второй» мир, который человек творил вокруг себя, — живой, ритмично пульсирующий, терзаемый страстями и замирающий в трепетном ожидании неведомых свершений... Это не было выдумками воспаленного или запуганного непознаваемым иррационального сознания. Модель мира древнего человека так же разумна и рациональна, как и у нашего современника, опирающегося на эмпирический опыт и естественные законы бытия.

Мифологическое сознание амбивалентно: постигая законы мироздания, человек нередко экстраполирует на окружающий мир (вплоть до космических масштабов) собственные качества и структуры; творя вещный мир, человек наделяет его смыслами и значениями, выходящими далеко

за пределы обыденной повседневности. Поэтому любой артефакт — это не только «вещь в себе», свидетельствующая об ушедшей эпохе. Это семантический код, расшифровав который, исследователь может «прочитать эпоху» как текст, вскрывая ее социальный, экономический, этический, религиозный, сакральный и многие другие аспекты. И собственно ценность такого исследования будет заключаться не только в глубине проработки того или иного аспекта историко-культурной эпохи, но в определении поля культуры, где «все связано с остальным, все элементы взаимозависимы»¹.

Примером существования подобного семантического кода может служить **скифо-сибирский звериный стиль**, для которого наиболее характерно изображение борьбы животных (так называемые, «сцены терзания»). Этот стиль рассматривается исследователями как «универсальный код реальной (природно-социальной) и сакральной действительности»².

¹ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. / Ю.С. Степанов. М.: Академический проект, 2001. С. 16.

² См.: Марсадилов Л.С. Культура народов Саяно-Алтая в древности // Истоки региональных культур России. Сборник научных статей / Отв. ред. Л.М. Мосолова. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. 173 с. С. 88-89.

Образ животного — это одна из ведущих тем в древнем, античном (скифском) и средневековом искусстве кочевников. И это объясняется не столько актуальностью животного как объекта охоты, сколько его семантической значимостью в ритуальной практике. Космогонический миф о Небесном Охотнике и Солнечном Олене, а также миф о Великой Матери и Небесной Маралухе — это два основных мифологических сюжета, объяснявших человеку процесс происхождения мира, и разыгрывавшихся во время календарных и родовых мистерий. И если рассуждать по большому счету, все остальные мифы и мифологические образы скифо-сибирского пантеона — их порождение и отражение; подобно тому, как разноцветные сияющие блики есть порождение разных граней алмаза (который бесцветен, един и неделим) и отражение в них всепроникающего Света.

Одним из самых загадочных образов скифо-сибирского стиля, маркирующих культуру Алтая, является образ грифона — фантастического существа, сочетающего в себе элементы хищной птицы (клюв и крылья) — грифа, львиного тела, уха и глаза зверя, а также нередко его голова увенчана рогами, драконьим гребнем или характерным хохолком. Исследователи продолжают спорить по поводу его принадлежности к солярной или хтонической семиосфере. Значения этого образа трактуются исследователями до диаметральных оппозиций: от абсолютного блага, до абсолютного зла. Попробуем разобраться в их доводах.

Энциклопедия знаков и символов определяет грифона как **солярный** образ: «Сочетание двух главнейших солнечных животных (льва и орла — И.Ж.) указывает на общий благоприятный характер существа — грифон олицетворяет Солнце, силу, бдительность, воинскую доблесть, возмездие... По мнению Флавия Филострата (III в.) «грифоны действительно обитают в Индии и почитаются посвященными Солнцу — потому индийские ваятели изображают колесницу Солнца запряженной четверкой грифонов». В древнеегипетской традиции грифон объединил в своем образе льва, олицетворяющего царя и сокола, который был символом бога неба Гора. В поздний период грифон считается «могущественным животным» и символом воздаваемой справедливости; в эпоху Птолемея и Рима в образе грифона изображались боги Гор и Ра»³. В Греции

грифон символизировал могущество, уверенность в своей силе, а также пронизательность и бдительность. Грифон фигурирует в качестве животного, наездником которого выступает Аполлон. Известно также, что грифон символизирует **акт перерождения, выхода на новый уровень, избавление от ненужного, обретения второй молодости**. Запомним это утверждение. Мы к нему еще вернемся.

Наличие в образе грифона львиных элементов, помимо солнечности, царственности и мощи, напоминает о том, что лев — охранник священных мест (вспомним египетского большого Сфинкса и множество храмовых сфинксов). В глубинной психологии лев олицетворяет сдерживаемую энергию, спокойно и без усилий господствующую и неудержимую в нападении. В эзотерических практиках лев (еще более, его хвост) — символ змеевидной энергии кундалини, которая спокойно дремлет, свернувшись в спираль, но в нужный срок эта спираль стремительно распрямляется, высвобождая колоссальную энергию. В пазырыкской культуре образ льва нередко заменен образом тигра. Это синонимичные символы.

Есть еще одна разновидность пазырыкских грифонов — так называемых «коневидных». Б.А. Литвинский считает, что орлиноголовый «коневидный грифон», помещенный на сосудах, является иранским эквивалентом «символа ашвинов - хранителей эликсира жизни, лекарств и напитков, божественных врачей, докторов-богов, подателей юности и стражей бессмертия и «процветания»⁴. Изображение на сосудах, грифона придает их содержимому значение «божественного напитка» и «эликсира жизни» или же, во всяком случае, подчеркивает целебный характер находящейся в сосуде жидкости, освящает ее⁵.

Что же тогда означает этот тип грифона, пребывающий также в виде татуировок на плечах пазырыкского вождя и укокской жрицы? Причем, головы этих грифонов увенчаны роскошными рогами, ветвления которых также заканчиваются головками грифонов (рис. 1). Здесь конь и олень выступают в единой ипостаси, что подтверждает-

³ Грифон / Энциклопедия знаков и символов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sigils.ru/symbols/grifon.html>.

⁴ Литвинский Б.А. Древние кочевники Крыши мира / Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1972.

⁵ Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994.

ся конскими захоронениями в царских курганах Пазырыка — головы этих коней были увенчаны масками оленя.

В пазырыкской культуре культ оленя имел очень широкое распространение, как и во всей евразийской мифологии, зародившейся, вероятно, еще до неолитической революции. Так как повсеместно в Евразии существовал миф об олене похищающем солнце у Владыки подземного мира, мчащемся по небу, но все же наступаемым силами тьмы, которые отбирают солнце и возвращают его под землю, то вполне объяснима атрибутика погребального убранства скифского коня. Он призван разыграть космический миф: умерший вождь, скорее всего, он же — верховный жрец солярного культа, которому поклонялись скифы — после смерти он должен воскреснуть так же, как ежедневно воскресает солнце, и ему в этом поможет солнечный олень — «транспортное средство» светила. Эту мифологему подтверждает часто встречающийся среди петроглифов Алтая сюжет: олень с солнечными рогами (Елангаш, Ирбис-Туу и др.) (рис. 1.1). Может быть, поэтому в могилу вождю укладывали высокопородистых коней рыжей и золотистой масти. По определению А.А. Тишкина, «лошадь была психопомпом, уводящим душу умершего в иной мир, так как конь и человек были направлены в одну сторону. Конь нес иерофантную функцию, т.е. способствовал воскрешению»⁶. Мифологему умирающего и воскресающего солнца и его олицетворения в образе вождя-жреца подтверждает тот факт, что тело вождя мумифицировалось — оно должно было быть нетленным для реинкарнирующего божества.

В связи с вышеописанными атрибутами коня-оленя и коневидного грифона всплывает еще один образ раннескифского искусства — петроглифы, изображающие оленей с роскошными ветвистыми рогами и птицеобразной мордой (рис. 1.2). Более того, ветвления рогов декоративно изогнуты, подобно изображениям головок грифонов на кончиках ветвлений оленьих рогов на татуировках — только на петроглифах отсутствует детальная прорисовка, но контур остается. Собственно, коневидный грифон с оленьими рогами и птице-

видные олени, на наш взгляд, имеют единую семантическую природу: расположение названного грифона на плечевом поясе татуированных тел вождя и жрицы и «птичьих» оленей на южных склонах скальных выступов (Туру-Алты, Елангаш, Белый Бом), играющих роль алтарей, акцентируют солярную природу мифологемы грифона. Но при этом *грифон наделяется функциями проводника, путешествующего по всем трем мирам, и, причем, не только в посмертной практике, но и в прижизненной сакрализованной деятельности названных персонажей.*

Вообще, издревле повелось, что рога — это солярный признак. У пазырыкских грифонов нередко этот знак выражен в несколько иной (может быть, даже атавистической) форме — в виде хохолка или драконьего гребня. Но исследователи также выделяют отдельный вид львиноголового грифона, где хищник изображается с открытой пастью, его голова увенчана изогнутыми рогами. Крылатых и рогатых львов современные исследователи также часто называют, львогрифонами, львиными грифонами или просто грифами⁷. Такие изображения характерны для Передней и Средней Азии, Горного Алтая и других районов, откуда происходит Сибирская коллекция Петра I⁸. На многих изображениях кошачьих хищников рога принимают форму небольших завитков позади головы или выступов сверху, в которых уже трудно узнать первоначальный образ рогатого тигра, наиболее декоративно решенный в кожаных аппликациях из Туектинского кургана (Алтай) (рис. 2). Но чаще всего рогатые грифоны имеют загнутые назад ребристые рога, гриву, открытую пасть, складки на верхней губе и носе (рис. 3)⁹.

Шестого октября 1993 года в Республике Алтай был учрежден республиканский герб. В центре герба, как обосновывается в Положении о государственном гербе Республики Алтай, изображен «грифон — Кан-Кереде с головой и крыльями

⁶ Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Особенности погребальных конструкций Бийкенской археологической культуры и их семантика / А.А. Тишкин, И.Ю. Леонова [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod4/part1-p363-371.pdf>.

⁷ Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время / С.И. Руденко // Акад. наук СССР, Ин-т истории материальной культуры. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

⁸ Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I / С.И. Руденко // САИ ДЗ-9. М.-Л.: 1962. 52 с.+27 табл.

⁹ Фролов Я.В., Чекрыжова О.И. Изображение головы фантастического хищника из кургана I могильника Михайловский VI и его параллели в искусстве народов Азии / Я.В. Фролов, О.И. Чекрыжова [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://dragons-nest.ru/def/skif_altai.php?PHPSESSID

птицы и туловищем льва, олицетворяющий собой священную солнечную птицу, стерегущую покой, мир, счастье, богатство родной земли, покровительницу зверей, птиц и природы»¹⁰. Вокруг него разразилась настоящая полемика, прославлявшая и проклинаявшая данный символ. Обе стороны находили убедительные доводы в свою пользу.

Кан-Кереде в алтайской мифологии это образ могучей птицы — царя пернатых. Многие исследователи отмечали связь этого образа в фольклоре народов Центральной Азии с древнеиндийским мифом о птице Гаруда — солнечной птице с золотым телом, крыльями ослепительно-красного цвета, с головой человека, но с клювом. Эта птица — прародитель и царь птиц, умела говорить по-человечески, обладала силой магического слова и могла по желанию изменить свой облик. Одна из основных легенд о Гаруде — легенда о похищении этой птицей сомы-амриты — напитка бессмертия, подобно иранскому грифону ашвинов, хранителю эликсира жизни. Таким образом, в легенде о Гаруде мы видим несомненную связь с образом скифского грифона, многократно меняющим свой облик (гриф, лев, тигр, конь, олень, волк) и изготавливаемым в изделиях скифо-сибирского стиля из золота или из дерева, покрытого золотой фольгой.

Но соотнесение грифона на гербе Республики Алтай с царственной птицей Кан-Кереде не убедило Л.С. Марсадолова, считающего, что грифон — это «зверь темного подземного мертвого астрального мира», и что «цель грифона — вырваться из «забытья» (из-под земли), добраться до вершин реальной земной власти, уничтожить правителя и государство, унести под землю золото и как можно больше человеческих жизней»¹¹. Утверждение Л.С. Марсадолова не беспочвенно. В древнеегипетской книге «О двух путях» грифы упоминаются как существа подземного мира, наряду с другими хтоническими чудовищами. Исследователь продолжает: «Ни на одном изображении пазырыкской культуры Алтая грифон не показан другом человека или животных,

а только их терзателем. На многочисленных древневосточных, античных, средневековых изображениях грифон также нападает на человека (женщин, монахов, правителей и др.) или на мирных животных. На рисунке из средневековой рукописи грифон впряжен вместе с аспидом в колесницу бога смерти Сатурна» [там же].

Л.С. Марсадолов делает акценты на том, что изображение грифона встречается многократно в погребениях (особенно знати и вождей), но отсутствует на скальных алтарях, изобилующих петроглифами. С одной стороны, действительно, большинство наскальных рисунков изображают оленей и горных козлов — устойчивый солярный символ древних евразийских культур. Однако, на одном из самых известных скальных алтарей Алтая — Калбак-Таше есть изображение Сенмурва — собаковидного грифона, правда, по стилю изображения, относящийся к эпохе тюркского средневековья. Сенмурв, по мнению исследователей, является «своеобразной реминисценцией, позволяющей определить характер и особенности ирано-тюркских связей в области мифологии»¹². С другой стороны, наличие образа грифона в инвентаре погребенного вождя не обязательно несет в себе смыслы деструктивные — о чем речь пойдет ниже.

Исследователи искусства скифо-сибирского звериного стиля давно обратили внимание на наличие ряда «не птичьих» черт в изображениях грифонов, в частности, таких как не характерные для птиц крупные, «звериные», уши и непропорционально большие глаза, идентичные по форме волчьим¹³. Образ волка, по определению В.Д. Кубарева, «полиморфный по своему характеру. Он сочетает в себе черты как непосредственно волка, так и собаки, для которой, в свою очередь, близка и воздушная стихия»¹⁴. Киргизы называют волка «ит-куш» (тюрк. ит — собака, куш — птица)¹⁵. Не воспоминание ли это о легендарных грифонах?

¹⁰ Ойношев В.П. Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе / В.П. Ойношев. Горно-Алтайск: АКИН, 2006.

¹¹ Марсадолов Л.С. Грифон — хранитель золота Капитал-бога и их антиноосферная сущность / Л.С. Марсадолов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0203/001a/02030029.htm>

¹² Митько О.А. Образ грифона в искусстве народов Евразии в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии: Сб. науч. ст. / ред. и сост. О.А. Митько. Новосибирск, Изд-во НГУ, 1999.

¹³ Там же.

¹⁴ Слово «Собака» и названия народов [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.myfam.ru/article/4nog/mifolo/clovo_cobaka_i_nazvania_narodov.htm#a96ce04ddb0eaa86c61d1cd7145d490fe

¹⁵ Катанов Н.Ф. Хакасский фольклор / Н.Ф. Катанов. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1963. С. 305

Эсхил называет грифонов «птицеклювыми собаками Зевса, которые не лают»¹⁶.

В Средней Азии образ собаковидного грифона был распространен, наряду с орлиноголовым «коневидным грифоном». С ним связаны представления тюркских народов о крылатых собаках. Киргизы словом «кумай» означают снежного грифа — реально существующую хищную птицу из семейства ястребиных; и так же зовут сказочную собаку, от которой никакой зверь не может спастись, и рождена она от хищной птицы грифа. Мифический пес Кумайык, рожденный от птицы — верный спутник киргизских эпических героев Манаса и Семетея. Интересна параллель: в Европе очень высоко ценилась порода собак, которые получили название грифонов, так как они происходят от тибетских охотничьих собак, которые назывались «Greiffs». Это, так называемая, подсоколиная собака — то есть собака, которая используется на охоте вместе с ловчими птицами¹⁷.

В хакасских сказках присутствует образ чудесной охотничьей собаки Хубай-хус, вылупившейся из яйца турпана. От нее не может уйти ни одно живое существо. В сказке прямо не говорится, что эта собака по имени Хубай-Хус — крылатая, но птичьи черты заложены в истории ее рождения¹⁸. М.И. Боргояков разбирает этимологию слова Хубай и связывает его с божеством Саяно-Алтайских тюрков — «Матерью Умай», обитающей на небесах и охраняющей младенцев. Другое значение термина Умай — мифическая птица, которая гнездится в воздухе. Это сближает Умай с иранской небесной мифологической птицей Хумай, которая, бросая свою тень на человека, делает его счастливым¹⁹. Не забудем также киргизское название грифа — кумай и пса по имени Кумайык, рожденного от птицы. М.И. Боргояков считает, что в тагарскую эпоху об-

раз собако-птицы широко бытовал на обширных просторах Евразии²⁰.

Прототипом крылатых собак был один из самых распространенных персонажей иранской мифологии — Сенмурв-Паскундж, — изображения, которого также встречаются на средневековых серебряных сосудах²¹. Связь Умай и Сенмурва проявляется в их функциональной сущности — это крылатые существа, связанные с плодородием на Земле. Образ Умай в таком же контексте рассмотрен Д.В. Черемисиным, который указывает на дуализм этого образа, генетическую преемственность между образом грифона и представлениями тюрков о женском божестве Умай, не сомневаясь при этом в связи образа богини Умай и крылатой собаки Хубай²².

Культ собаки рассматривается в этнографии в двух аспектах: первый имеет отношение к мифологии эпохи материнского рода (пес-предок) и второй — как водительнице умерших в погребальном культе. Образ волка (собаки) присутствует в культурах разных народов и почти всегда выступает в связи с подземным, загробным миром (Анубис. Цербер, собаки Ямы, тайгылы Азар и Казар — сторожевые псы у корней Бай-Терека, Мирового Древа в алтайском эпосе «Маадай-Кара»). Возможно, это обусловлено тем, что многие волки, шакалы поедают падаль, т.е. перемещают в мир иной. В обыденном мировоззрении многих народов вой собак или волков предвещает смерть. Зороастрийцы выставляли тела умерших на поедание собакам и птицам. Все эти факты подводят к выводу о том, что многие народы почитали собаку как тотем — предка, ушедшего в мир иной, защитника потомков, а, следовательно, и «проводжатога», «переносчика», «стража», а также «плотителя» и «погребателя».

¹⁶ Грифон // Энциклопедия знаков и символов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sigils.ru/symbols/grifon.html>

¹⁷ Слово «Собака» и названия народов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.myfam.ru/article/4nog/mifolo/clovo_cobaka_i_nazvania_narodov.htm#a96e04ddb0eaa86c61d1cd7145d490fe

¹⁸ Коре Сарыг на буланом коне / составитель и переводчик П. Трояков; худ. Э. Гороховский // Хакасские народные сказки, предания и легенды. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1974. С. 104-105; 17.

¹⁹ Доронин Д. Умай [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.seu.ru/members/bereginya/2006/09/23-1.htm>

²⁰ Боргояков М.И. Об одном древнейшем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии / М.И. Боргояков // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 1984.

²¹ Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / С.М. Абрамзон; авт. вступ. ст. С.Т. Табышалиев. Ф.: Кыргызстан, 1990. С. 151-152.

²² Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая / В.Д. Кубарев, Д.В. Черемисин // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984; Запороженко А.В., Черемисин Д.В. Аримаспы и грифы: изобразительная традиция и индоевропейские параллели / А.В. Запороженко, Д.В. Черемисин // Вестник древней истории. 1997. № 1. С. 83-90.

Реальная птица гриф, обитающая в Алтайских горах, — крупный стервятник. Он питается падалью, а голос его похож на тьяканье собаки²³. И, возможно, именно эти обстоятельства, объединяющие грифов с волками и шакалами, а также такие нептичьи черты грифона, как форма ушей хищного зверя, соответствующая форме ушей волка в пазырыкской иконографии, обусловили хтоническую трактовку образов грифонов некоторыми исследователями и способствовали локализации этих образов в трехчленной модели мира, в нижней его части, причем, с определенными функциями — а именно, функциями стража, проводника и погребателя.

В роли стража грифон выступает в мифах и легендах разных традиций. Он, подобно дракону, охраняет пути к спасению, располагаясь рядом с Древом Жизни либо иным подобным символом. Он стережет сокровища или сокровенное, тайное знание. «Змеи, драконы, грифы, охраняя сокровища, — пишет М. Элиаде, — всегда охраняют пути к бессмертию, ибо золото, алмазы и жемчуг есть символы, воплощающие в себе сакральное начало и **дарующие силу, жизнь и всеведение**»²⁴. Уже в первом, дошедшем до нас упоминании о грифонах, принадлежащем Геродоту (V в. до н.э.), сказано, что это чудовища с львиными телами и орлиными крыльями и когтями, которые живут на крайнем севере Азии и охраняют от одноглазых аримаспов (сказочных обитателей севера) месторождения золота. Здесь мы можем найти ответ на посыл Л.С. Марсадолова: почему в царских погребениях пазырыкцев, представлявших собой богатейшие клады, и ныне составляющих значительную часть коллекции Золотой кладовой Эрмитажа, много изображений грифонов.

«В шумеро-аккадской мифологии (миф о Лугальбанде) существовал образ огромной птицы Анзуд — орла с львиной головой (которая часто изображалась когтящей двух оленей либо других зверей). Птица Анзуд наделялась функцией посредничества между небом и землей, людьми и богами; в этом качестве рассматривалась как

существо амбивалентное, одновременно воплощавшее и злое, и доброе начала»²⁵.

Даже Л.С. Марсадолов, несмотря на приверженность к хтонической трактовке образа грифона, упоминает о посреднической функции как самого грифона, так и человека, который носил его знак: «На тело вождя, погребенного в Пазырыке-2 и, вероятно, выполнявшего также **функцию жреца или шамана**, были нанесены татуировкой не просто «фантастические образы», а, возможно, увиденные в состоянии транса звери из астрального мира»²⁶.

В более поздних культурах двойственная природа грифона получает свое развитие в неожиданных ракурсах. Так, его изображение иногда использовалось в качестве обозначения двойной природы Христа; он являлся символом науки и ростовщичества; стал одной из главных эмблем английского королевского дома; а также был традиционным мотивом готической церковной скульптуры. В геральдике он символизирует объединенные качества орла и льва — бдительность и отвагу, различается женский крылатый грифон и мужской, изображаемый без крыльев²⁷. Бёклер (1688 г.) расшифровывает грифона так: «Грифоны изображаются с туловищем льва, головой орла, длинными ушами и когтистыми орлиными лапами, что должно значить соединение ума и силы»²⁸.

Древнейшее изображение грифона найдено на стене месопотамского храма. Ряд исследователей отсюда выводит еще один весьма значимый смысл: «Может быть, что этот образ месопотамского охранителя в древне-иранской мифологии переплетается с таким понятием как авестийское «хварно» — харизма, сакральная сила, знак царственной власти, для простых смертных символ удачи, охранения»²⁹. Свое хварно имела каждая

²³ Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая / В.Д. Кубарев, Д.В. Черемисин // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 93.

²⁴ Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде. М.: Изд-во МГУ, 1994 144 с.

²⁵ Грифон / Энциклопедия знаков и символов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sigils.ru/symbols/grifon.html>

²⁶ Марсадолов Л.С. Грифон — хранитель золота Капитал-бога и их антиноосферная сущность / Л.С.Марсадолов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0203/001a/02030029.htm>

²⁷ Грифон / Энциклопедия «Символы, знаки, эмблемы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/encsym/article/SYM/sym-0176.htm>

²⁸ Грифон / Энциклопедия знаков и символов // <http://sigils.ru/symbols/grifon.html>

²⁹ Фролов Я.В., Чекрыжова О.И. Изображение головы фантастического хищника из кургана 1 могильника Михайловский

семья, каждый род и каждая страна. В Авесте очень часто хварно выступает как птица Варагн. В более позднее сасанидское время оно изображалось как горный баран — Фарн³⁰. Как отмечают исследователи культуры племен скифов, саков, в их мировоззрении присутствовало древнеиранское понятие о «хварно»³¹. На территории Южной Сибири с V в. до н.э. распространяются изображения крылатого и рогатого кошачьего хищника, особенно много их в Пазырыкских курганах — захоронениях знати скифского времени в Горном Алтае. Возможно, что здесь он выступает как символ могущества, власти и военной мощи царей скифских племен, населяющих степи и горы Южной и Западной Сибири. По их мнению, грифон выступал как оберег, талисман символ удачи — хварно царского рода.

На наш взгляд, эти многообразные, нередко диаметрально противоположные точки зрения имеют вполне убедительное объяснение. Грифон всегда изображается в верхней сфере трехчастных моделей мира: на диадеме, украшавшей головной убор воина, на шейном украшении — гривне, пекторали, на плечевом поясе тела вождя или жрицы в виде виртуозной татуировки; в убранстве коня: сбруя, налобные украшения, седельная подушка (соединяющая воедино коня и всадника); на золотых и серебряных сосудах и т.п. Все это убеждает в его небесном (космическом) происхождении.

Но в то же время, он нередко выступает как агрессивная сущность, терзающая копытных животных (олицетворяющих силы света, солнечность). Здесь опять же вспоминается самый древний и универсальный для всех культур и эпох архетип борьбы света и тьмы, позже получивший олицетворение в мифологеме драконоборчества. Все в мире есть ритм, в котором чередуются тьма и свет, покой и движение, Инь и Ян. Эту же мысль подтверждает налобное украшение коня из Туектинского кургана (рис. 4), где два грифона в стремительном вращении образуют

фигуру, подобную символу Инь-Ян. И в центре этого «спина»³² зарождается «ядро света», той первичной субстанции, которая возникает в момент «перехода из небытия в бытие», проявления информационной «матрицы», которая лежит в основании материального мира. Практически, во всех священных текстах древнего мира момент начала сотворения мира описан одинаково. Наиболее распространен библейский текст: «... Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною. И Дух Божий носился над ней. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет...»³³.

Тогда становится понятной символика грифона как первичного, добытийного Хаоса, того Абсолютного Ничто, в котором в потенции заложен весь Космос. Именно так в конце XX века физики объясняют процесс сотворения мира. Учеными было доказано, что помимо гравитационного и электромагнитного полей существует еще одно универсальное поле — торсионное — поле кручения, которое порождается спином, или угловым моментом вращения. Возникают торсионные поля в специфической материальной среде — физическом вакууме — заполняющем все пространство Вселенной. Торсионные поля обладают целым рядом необычных свойств. Таких, например, как память, распространение через природные среды без потерь и без изменений, высочайшая скорость, более чем в миллион раз превышающая скорость света. Торсионное поле является основой для **перехода** нематериальных информационных структур в материальные: свет — энергия — материя. Складывается впечатление, что безвестные скифские художники умели выражать графически и пластически формулы одной из новейших наук, возникших на рубеже II–III тысячелетий — Теории физического вакуума. И тогда Уландрыкская диадема (рис. 5), по тонкости и изяществу работы превосходящая многие художественные образцы гораздо более поздних эпох, воплощает не сцену погони хищников (грифона и тигра) за несчастным оленем, а космическую мистерию: свет — основа бытия — здесь воплощен через ипостаси оленя и тигра («стремительность, сияние» и «мощь, огненность»). Но свет рождается во тьме

VI и его параллели в искусстве народов Азии / Я.В. Фролов, О.И. Чекрыжова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dragons-nest.ru/def/skif_altai.php?PHPSESSID

³⁰ Рак И.В. Именной и предметный справочник-указатель / И.В. Рак // Авеста в русских переводах (1861-1996). СПб: Изд-во: Журнал Нева-Летний сад, 1998. 480 с. С. 467.

³¹ Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии / Э.А. Грантовский. М., 1970. 396 с. С. 158.

³² Спин — «первичное вращение». Термин Теории физического вакуума. См. Шипов Г.И. Теория физического вакуума. Новая парадигма. М., 1993.

³³ Библия: Бытие. Гл. 1:2,3.

и неизменно переходит во тьму. Все в мире есть ритм: Инь — Ян. В максимальном проявлении света всегда присутствует зерно тьмы, в которую он неизменно перейдет, так же, как и Хаос содержит в себе потенцию Космоса, который ознаменует свое рождение возникновением света. И сам грифон, нередко обладая львиным телом, демонстрирует свою небесную, светоносную функцию, но пребывающую до поры, до времени в потенции.

А изумительное по красоте и изяществу налобное конское украшение из Пазырыкского кургана в виде грифона, заглатывающего голову оленя (рис. 6) — не ужасающая сцена терзания, а воплощение космического ритма, прекрасного и мудрого в своей гармонии: Тьма, поглотившая Свет рассеется, на смену Смерти придет новая Жизнь, так же, как неизбежно утром встает Солнце, «умершее» накануне в утробе Подземья.

И эта же мистерия повторяется в скифском социуме. Ушедший в мир иной вождь или верховный жрец, не перестает заботиться о своём народе, он возвращается в этот мир в новом качестве: предка-хранителя. Его курган — храм, представляющий собой, как и все храмы, модель Мировой горы, утроба которой охраняет (хоро-

нит) сокровенное: сына или наместника Бога, после смерти ставшего Богом. Но она же есть и лоно, которое рождает этого нового Бога. Вспомним Христа, похороненного в пещере и воскресшего в новом качестве. Об этом помнят и современные коренные народы Алтая, утверждая, что Родовая Гора каждую весну «расстегивает пуговицы своей шубы», выпуская в мир души вновь рождающихся людей, зверей и птиц.

Поэтому и неслучаен образ грифона в погребальной атрибутике скифских вождей: грифон представляет собой **концепт перехода, перерождения, выхода на новый уровень, извлечения от прошлого, обретения новых качеств.**

Подводя итог, следует заметить, что основываясь на уже существующих концепциях и трактовках названной мифологемы, а также используя методы семиотического и системного анализа, автор статьи определяет место мифологемы грифона в пазырыкской культуре как некоей культурной константы, маркирующей пограничные состояния и моменты «перехода» как в социальном, так и в сакральном смыслах. Данный вывод позволяет увидеть системность и многоуровневость мифологемы грифона и объяснить полярность его трактовок разными исследователями.

Список литературы:

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / С.М. Абрамзон; авт. вступ. ст. С.Т. Табышалиев. Ф.: Кыргызстан, 1990.
2. Баркова Л.Л. Изображения рогатых и крылатых тигров в искусстве древнего Алтая / Л.Л. Баркова // АСГЭ, 1985. Вып. 26. С. 30-44.
3. Библия: Бытие. Гл. 1, 3.
4. Боргояков М.И. Об одном древнейшем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии / М.И. Боргояков // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 1984.
5. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история / Г.М. Бонгард-Левин, Э.А. Грантовский. М.: Мысль, 1983. 208 с.
6. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии / Э.А. Грантовский. М., 1970.
7. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии / А.Д. Грач. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. 256 с.
8. Грифон / Энциклопедия знаков и символов [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sigils.ru/symbols/grifon.html>
9. Грифон / Энциклопедия «Символы, знаки, эмблемы» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/encsym/article/SYM/sym-0176.htm>
10. Доронин Д., Умай / Д. Доронин [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.seu.ru/members/bereginya/2006/09/23-1.htm>
11. Запорожченко А.В., Черемисин Д.В. Аримаспы и грифы: изобразительная традиция и индоевропейские параллели / А.В. Запорожченко, Д.В. Черемисин // Вестник древней истории, 1997. № 1.
12. Катанов Н.Ф. Хакасский фольклор / Н.Ф. Катанов. — Абакан: Хакасское книжное издательство, 1963.

13. Коре Сарыг на буланом коне / составитель и переводчик П. Трояков; худ. Э. Гороховский // Хакасские народные сказки, предания и легенды. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1974.
14. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда / В.Д. Кубарев. Новосибирск, 1991.
15. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая / В.Д. Кубарев, Д.В. Черемисин // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984.
16. Литвинский Б.А. Древние кочевники Крыши мира / Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1972.
17. Марсадолов Л.С. Грифон — хранитель золота Капитал-бога и их антиноосферная сущность / Л.С. Марсадолов [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0203/001a/02030029.htm>
18. Митько О.А. Образ грифона в искусстве народов Евразии в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии: Сб. науч. ст. / ред. и сост. О.А. Митько. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999.
19. Ойношев В.П. Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе / В.П. Ойношев. Горно-Алтайск: АКИН, 2006.
20. Полосьямак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994.
21. Рак И.В. Именной и предметный справочник-указатель / И.В. Рак // Авеста в русских переводах (1861-1996). СПб: Изд-во: Журнал Нева-Летний сад, 1998.
22. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время / С.И. Руденко // Акад. наук СССР, Ин-т истории материальной культуры. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
23. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I / С.И. Руденко // САИ Дз-9. М.-Л.: 1962. 52 с.+27 табл.
24. Слово «Собака» и названия народов [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.myfam.ru/article/4nog/mifolo/clovo_cobaka_i_nazvania_narodov.htm#a9be04ddb0eaa86c61d1cd7145d490fe
25. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. / Ю.С. Степанов. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
26. Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Особенности погребальных конструкций Бийкенской археологической культуры и их семантика / А.А. Тишкин, И.Ю. Леонова [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod4/part1-p363-371.pdf>
27. Фролов Я.В., Чекрыжова О.И. Изображение головы фантастического хищника из кургана 1 могильника Михайловский VI и его параллели в искусстве народов Азии / Я.В.Фролов, О.И. Чекрыжова [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://dragons-nest.ru/def/skif_altai.php?PHPSESSID
28. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде. М.: Изд-во МГУ, 1994.